

Пация Давид Важаевич

адвокат, Адвокатская палата Краснодарского края, Краснодар; соискатель, Российский новый университет, Москва.

Электронный адрес: david-23@mail.ru

David V. Patsia

barrister of the Krasnodar Regional Bar Association, Krasnodar; applicant at the Department of law, Russian New University, Moscow.

E-mail address: david-23@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЛЕС И ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЕ

Аннотация. *Актуальность.* Современное состояние уголовного закона в части охраны леса и лесопользования является итогом его длительной эволюции. Знание основных направлений и тенденций развития уголовного закона в этой части является непременным условием понимания и адекватной оценки его текущего состояния и возможных перспектив развития. *Цель* – провести историко-правовой анализ уголовно-правовых норм, посвященных защите леса и лесопользования в России. *Задачи:* исследовать содержание памятников русского права на различных этапах его развития в части установления ответственности за посягательства на лес; оценить соотношение экономических и экологических интересов в практике уголовно-правовой охраны леса; выявить основные тенденции развития лесоохранного уголовного законодательства. *Методы.* Для выявления основных этапов и тенденций развития лесоохранного уголовного законодательства применялся историко-правовой метод. *Результаты.* В статье представлен обзор основных положений памятников русского уголовного права в части, касающейся охраны леса и лесопользования; определены основные тенденции развития уголовного закона, обеспечивающие согласование интересов охраны экономического и экологического потенциала леса; установлены этапы развития лесоохранного уголовного законодательства России. *Выводы.* Развитие лесоохранных уголовно-правовых норм, начавшееся в средневековой России как элемент защиты права собственности лесовладельцев, продолжилось при Петре I как составная часть защиты государственных интересов в сфере обороны и безопасности, затем трансформировалось в практику охраны экономических интересов государства и в настоящее время представлено как компонент экологической безопасности.

Ключевые слова: лесопользование, охрана леса, лесоохранное уголовное законодательство, экологические преступления, история уголовного закона, памятники уголовного права.

Для цитирования: Пация Д.В. Становление и развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на лес и лесопользование // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2025. № 1. С. 104–116. DOI: 10.18137/RNU.V9276.25.01.P.104.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR ENCROACHMENTS ON FORESTS AND FOREST MANAGEMENT

Abstract. *Relevance.* The current state of the criminal law in terms of forest protection and forest management is the result of its long evolution. Knowledge of the main directions and trends in the development of criminal law related to this sphere is an indispensable condition for understanding and adequate

Становление и развитие отечественного уголовного законодательства
об ответственности за посягательства на лес и лесопользование

assessing its current state and possible development prospects. *The aim* of the study is to conduct a historical and legal analysis of criminal law norms dedicated to the protection of forests and forest management in Russia. *Objectives*: to investigate the content of monuments of Russian law at different stages of its development in terms of establishing responsibility for forest encroachments; to assess the relationship between economic and environmental interests in the practice of legal protection of forests; to identify main trends in the development of forest criminal law. *Methods*. The historical and legal method was used to identify the main stages and trends in the development of forest protection criminal law. *Results*. The article provides an overview of the main provisions of the monuments of Russian criminal law in terms of forest protection and forest management; identifies the main trends in the development of criminal law, ensuring the coordination of interests in protecting the economic and environmental potential of the forest; establishes the stages of development of Russian forest criminal legislation.

Keywords: forest management, forest protection, forest protection criminal law, environmental crimes, history of criminal law, monuments of criminal law.

For citation: Patsia D.V. (2025) Formation and development of domestic criminal legislation on liability for encroachments on forests and forest management. *Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society*. No. 1. Pp. 104–116. DOI: 10.18137/RNUV9276.25.01.P.104 (In Russian).

Большую территорию нашего государства всегда занимала лесная полоса, в связи с чем с благополучием леса было напрямую связано и экономическое благополучие российского государства. И тем не менее в течение значительного временного периода лесопользование в России не было ограничено специальным законодательством, что привело к вырубке больших лесных территорий (для распашки, торговли с соседними странами лесом и продуктами лесопользования: кожей, шкурами и мехом зверей, продуктами собирательства и бортничества, воском, смолами и др.). На наш взгляд, этим можно рационально обозначить причины тогдашнего выбора объектов лесоохраны: бортных деревьев, межевых лесных насаждений и угодий для охоты.

За нелегальную вырубку межевых и бортных деревьев уже в Русской Правде предусматривались большие штрафы, в первую очередь – за их совершение в пределах лесной полосы княжеских земель. Например, за повреждение бортнических уделов, принадлежавших князю, назначался штраф размером в три гривны, а в ст. 73 Пространной ее редакции за осознанную

вырубку дуба, содержащего соты, штраф был равен санкции за убийство холопа и равнялся двенадцати гривнам [1, с. 137].

Лесные и древесные богатства традиционно играли огромную роль для российской феодальной экономики, обеспечивали серьезную ресурсную базу для развития Руси. К началу XVI века был определен заповедный характер специальных лесных засек, которые стали естественными защитными барьерами Российского государства, предусмотренными на случай набегов соседних племен и иноземцев. Весь смысл лесных засек был сосредоточен на той идее, что сложенные вершинами в одну сторону стволы с ветвями представляли собой непроходимую преграду для всадников и обозов [1, с. 138]. В таких лесах – военных засеках – под угрозой штрафов, телесных наказаний, вплоть до смертной казни, не разрешалось прокладывать тропы, рубать насаждения, обустраивать дороги, собирательствовать, убирать валежник, смывать смолы и распахивать земли.

Уже тогда особое распространение получили самые первые княжеские охранные грамоты, ставшие символом протекции собственных интересов церковной

знати от вырубки церковных лесов простым народом. Пионером среди обладателей таких грамот в 1485 году выступил Троице-Сергиев монастырь, получивший искомым документ в знак признания от Иоанна Третьего [2].

К XVI веку и боярские лесные частные владения получают особый статус и защиту со стороны государства, а следовательно, и законодательные иммунитеты. Так, наказание в виде штрафа в 4 гривны согласно Уставной грамоте Василия Третьего 1530 года полагалось за рубку в боярских лесах Новгородского уезда деревьев, использовавшихся для бортничества [1, с. 138].

Охрана леса северных земель Руси осуществлялась для защиты пахотных земель от половодий. Упоминание об этом найдено в Указе Ивана Грозного 1563 года, которым запрещено рубить лес по берегам Двины, «ибо служит он особой защитой ото льда и воды» [3, с. 11].

Вырубка дерева, содержащего медовые соты с пчелами, по княжеским наказам в 1622 году каралась штрафом в один рубль, в случае, если был уничтожен ствол дерева без сот медоносных пчел, штраф не превышал полтины [4, с. 162–163].

К XVII веку охрана интересов в сфере лесопользования в Сибири напрямую была детерминирована важностью на данной территории пушного промысла. Царский соболиный яск – специальный пушной налог, принимаемый меховыми шкурками, подлежал взысканию вплоть до начала XX века с народов Севера, и на тот момент представлял собой главный источник дохода царской казны благодаря высокому спросу на сибирскую пушнину.

Кроме того, для данного исторического периода характерно издание указов, охраняющих статус промысловых территорий, большая часть каковых в то время представ-

ляла собой лесные массивы [1, с. 141, 142]. Царский Указ 1681 года, например, устанавливал прямой запрет на рубку или создание пожароопасных ситуаций в пределах ясачных территорий независимо от формы собственности на них [5, с. 53].

Охрана действующих порядков лесопользования в 1649 году была дополнительно закреплена в Соборном уложении в разделе об ответственности за имущественные преступления, где отдельно как объект лесоохраны были выделены плодовые деревья, растущие в частновладельческих угодьях вне диких лесных полей.

Отдельные положения Соборного уложения устанавливали категорический запрет на несогласованную (самовольную) рубку деревьев в пределах частновладельческих садов. Содержащаяся в девятой его главе ст. 218 определяла фиксированный штраф в сумме трех рублей, назначаемый за сруб содержащего соты медоносных пчел бортного дерева [6, с. 56–57].

Также в Уложении четко прослеживалась тенденция к лимитированию прав частных владельцев лесных массивов в пользу реализации государственных нужд. Например, Уложение дозволяло служивым людям беспрепятственно пользоваться благами леса для различного рода нужд военных регулярных формирований [7, с. 96, 278].

Абсолютизация государственных интересов в лесной сфере произошла при Петре Первом. При нем вопросы лесопользования и охраны лесов стали рассматриваться в масштабах всего государства. Обширную серию «лесных» указов Петра Первого можно разделить на две группы: первая была направлена на решение задач выявления и сбережения лесов для военных нужд и кораблестроения; вторая – отражала стремление пресечь расточительное потребление древесины в хозяйстве.

Становление и развитие отечественного уголовного законодательства
об ответственности за посягательства на лес и лесопользование

В первой группе особое значение имел Указ от 19 ноября 1703 года «Об описи лесов во всех городах и уездах, от больших рек в сторону до 50 верст, а от малых до 20 верст»¹, который должен был приостановить вырубку леса вблизи судоходно-лесосплавных рек. На указанных в данном нормативном правовом акте территориях под страхом серьезных наказаний запрещалась рубка особо ценных пород деревьев – дуба, клена и лиственницы.

Петр Первый устанавливал для некоторых лесов статус заповедных (неприкосновенных) вне зависимости от формы собственности лесных владений (государственные, церковные или помещичьи). Санкции за нарушения царских указов были жесткими и могли сравниться только с наказаниями за преступления против государства. Так, за уничтоженный дуб или сильную порубку деревьев из числа заповедных нарушителя приговаривали к смертной казни, а за незаконное без разрешения изъятие валежника дуба, а также некоторых других продуктов леса грозила ссылка на каторгу. Подобными же указами Петр Первый установил нормы по значительному ограничению прав всех лесных собственников, позволив по государственной надобности рубить деревья в пределах владений частных лиц без ведома и спроса законных собственников [8, с. 36].

Вторая категория «лесопользовательских» указов демонстрирует тенденции к зарождению в законодательстве тех времен ресурсоохрительного подхода к пользованию лесами. Смысл данного подхода можно понять, руководствуясь терминами, вынесенными в заглавие одно-

го из указов: «О нерублении доброго лесу на дрова».

Специальным царским указом весь объем правомочий в сфере надзора за лесными ресурсами для строительства морских кораблей передавался новому виду чиновников – «вальдмейстерам». Руководство над ними осуществлялось Вальдмейстерской конторой во главе с обервальдмейстером. В 1724 году в качестве определенной санкции для гарантирования соблюдения вышеназванного указа появилась норма для нарушителей, уличенных в рубке леса, а также для вальдмейстеров и сторожей леса, которых надлежало карать кнутом либо ссылать пожизненно в специализированные каторжные лагеря, предварительно вырезав ноздри [8].

Лесозащитные положения Соборного уложения и специализированных «лесоохранных» указов Петра Первого защищали право собственности, экономические и территориальные интересы как указанного круга собственников, так и государства. Эти положения обладали особой уголовно-правовой ролью, позволяя обозначать квалифицирующие признаки нелегальной рубки лесных массивов, доживших до наших дней.

Прежде всего, запреты касались рубки деревьев: находящихся в нетронутых человеком лесах; в крупном и особо крупном размерах; относящихся к ценным породам, запрещенным для рубки; должностным лицом, злоупотребляющим служебным положением (вальдмейстером или лесным сторожем).

Свод законов Российской империи, устанавливая прямой запрет на любой

¹ Об описи лесов во всех городах и уездах, от больших рек в – сторону 50, а от малых по 20 верст : Именной указ Его Императорского величества от 19 ноября 1703 года, № 1950 // Русский лес: полнотекстовая электронная библиотека. URL: https://www.booksite.ru/rusles/st_0225.html (дата обращения: 02.11.2024).

волюнтаризм в отношении обращения с лесными ресурсами, карал за нарушение запрета принудительным отчуждением денежных сумм по таксе, в два и в четыре раза превышающей денежный эквивалент причиненного злоумышленником вреда. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года¹ в известной степени ужесточило уголовную ответственность за нелегальную вырубку деревьев, установив санкционное тождество незаконной вырубки и хищения в виде кражи.

Учинение препятствий в отношении деятельности лесных сторожей и повторное совершение рубки в лесах, пригодных для строительства кораблей, считались обстоятельствами, отягчающими вину. Значительная часть статей Уложения фиксировала уголовную ответственность должностных лиц в сфере лесного управления и хозяйства за самовольное дозволение незаконной вырубки лесного массива или за ее укрывательство, устанавливая такие меры, как кратный штраф, заключение под стражу или принудительную высылку.

Либерализация подхода к ответственности в уголовном праве за противоправную рубку началась с Указа Александра II 1863 года: арест и тюремное заключение заменялись 2–3-кратными штрафами от размера причиненного и установленного вреда. Установленные послабления объяснялись тем, что незначительная вырубка лесных массивов, как правило, производилась крайне бедными слоями населения с целью удовлетворения своих скромных бытовых потребностей. Следовательно, с точки зрения принципов и целей уголовного закона было нерационально и несправедливо подвергать их такому наказанию,

которое применялось в отношении лиц, признанных виновными в хищениях и действовавших для наживы. Фактически данный указ вводил в российское уголовное законодательство институт «крайней необходимости», который в наши дни относится к обстоятельствам, исключающим преступность совершенного деяния.

Вышеописанные уступки были крайне неоднозначно и весьма критически приняты Особой комиссией при II отделении Канцелярии Его Величества – непосредственными авторами Судебного устава о наказаниях, применяемых по решениям мировых судей. Члены указанной особой комиссии небезосновательно полагали, что ответственность, установленная в форме штрафа, не может защищать интересы крупных лесных собственников, представляя собой крайне неэффективный уголовный институт по причине того, что такие вырубки в лесных массивах, как правило, являют собой не отдельные факты совершенных преступлений, а эпизоды продолжительной преступной деятельности, часто в виде промысла для извлечения прибыли. Комиссия также отрицала эффективность сопоставления нелегальной вырубки с кражами, что шло вразрез с позицией, обозначенной в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, полагая, что более рациональным подходом будет формирование автономной по криминологическому содержанию категории общественно опасных деяний. Однако члены Комиссии охотно ратовали за сохранение штрафа в отношении преступников, уличенных во впервые совершаемых вырубках, а уже в случаях повторного совершения данного общественно опасного дея-

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // История государства и права России: электронная библиотека. Российские историко-правовые источники. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845?ysclid=m6benum9vb845915508> (дата обращения: 02.11.2024).

Становление и развитие отечественного уголовного законодательства
об ответственности за посягательства на лес и лесопользование

ния – за применение к нарушителям, чья вина установлена, таких уголовно-правовых мер, как арест и тюремное заключение.

Данные предложения были услышаны Госсоветом и отражены в Судебном уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года (сборнике действующих общих уголовных законов, дополняющих Уложение о наказаниях уголовных и исправительных). Так, впервые в истории российского уголовного законодательства, *незаконные рубки леса образовали самостоятельную группу преступлений, не связанных с хищениями*¹. Вышеуказанные преступления стали частным случаем необоснованных самовольных посягательств на пользование чужой собственностью, ответственность за которые оставалась в пределах тех же штрафных санкций, что и при совершении основных, простых составов преступлений, а при осуществлении более опасных актов предполагалась более строгая ответственность.

Тщательный анализ норм, составляющих содержание Уголовного уложения 1903 года², устанавливающих ответственность за незаконную рубку деревьев, позволяет обнаружить присутствие в них фундаментального конструктивного признака данного деяния, позволяющего отграничить его от кражи, – это *предмет данного уголовного правонарушения*. При преступной вырубке в качестве него может выступать лишь растущее в естественной среде леса дерево.

Подробную характеристику предмета незаконной вырубки лесных насаждений

с позиции уголовного права дал И.Я. Фойницкий, который справедливо полагал, что предметом незаконной вырубки выступает не принадлежащее виновному дереву, произрастающее в земле, или продукты древесины, происходящие от части этого дерева. В тех же случаях, когда дерево становится имущественной ценностью в силу вложенного человеком труда, оно не может считаться предметом данного преступления. Например, хищение заготовленной в лесу древесины, либо из складов, устроенных для ее хранения, составляет не лесной проступок, а кражу [9]. Данная научная мысль, сформулированная впервые И.Я. Фойницким, представляется правильной с позиции квалификации и сегодня.

После революции 1917 года лесозащита в правовых актах Советской России была продолжена. Характерно, что уже буквально сразу после революции принимается Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных комиссаров от 27.05.2018 «О лесах», закрепляющий особое *почвозащитное, водоохранное, культурное и экономическое значение леса* и устанавливающий преступность неправомерных (без получения специального разрешения) рубок леса [10].

Однако в первоначальном советском уголовном законодательстве об ответственности за посягательства в сфере охраны ресурсов природы не было какого-либо подобия системы. Уголовно-правовые нормы содержались в актах административно-правового характера, направленных на

¹ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Глава тринадцатая. О проступках против чужой собственности. Отделение второе. О похищении и повреждении чужого леса // История государства и права России: электронная библиотека. Российские историко-правовые источники. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami?ysclid=m6bn021289641582451 (дата обращения: 02.11.2024).

² Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб. : Изд. В.П. Анисимова, 1903. 250 с. URL: <https://library6.com/books/553030.pdf> (дата обращения: 02.11.2024).

организацию использования ресурсов природы. В качестве критерия криминализации деяния выступало нарушение правомочий государства на пользование ими. Этим определялась и общественная опасность деяния. Характер и степень ее, как правило, не зависели от размеров причиненного природе ущерба и экологических свойств того или иного элемента природной среды.

В УК РСФСР 1922 года [11] в сфере уголовно-правовой охраны попали те ресурсы, которые в условиях Гражданской войны и бед народа стали объектами наиболее сильного разграбления, – фауна и лесные богатства. Ст. 99 указанного кодекса была установлена ответственность за нарушение правил природопользования, в частности, лесом, животным миром и полезными ископаемыми. Данная норма УК РСФСР 1922 года размещалась в разделе II «О преступлениях против порядка управления» главы I «Государственные преступления». Ответственность по ней предусматривалась за три разновидности деяний: нарушение правил лесоохраны от «хищнической эксплуатации и истребления», а лесопользования – от отступлениями от установленного плана; рыбная ловля и охота в недозволенных местах, в недозволенное время или недозволенными способами и приемами; нарушение правил разработки недр. За указанные деяния предусматривались достаточно строгие наказания: лишение свободы до одного года, принудительные работы на тот же срок с конфискацией незаконно добытого либо штраф до 500 рублей золотом. По сути общественная опасность лесонарушений по санкциям соответствовала причинению

смерти по неосторожности, насильственному незаконному лишению свободы, хулиганству, простой краже со склада или из учреждения, грабежу и др.

С 01 января 1927 года вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР [12], который не внес существенных корректив в нормы об охране леса и лесопользования по сравнению с ранее действовавшим уголовным законом 1922 года. Впоследствии нормы УК РСФСР 1926 года об ответственности за нарушение постановлений об охране лесов многократно дополнялись и изменялись как в части условий уголовной ответственности за преступления в сфере лесоохраны и лесопользования, так и в части предусмотренного за них наказания.

Примерно с 1930-х годов начинает формироваться тенденция к усилению ответственности за лесонарушения. В частности, за умышленное уничтожение или повреждение леса и лесных насаждений путем поджога, а также за рубку леса в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и в кооперации и укреплении государственной (социалистической) собственности»¹ была установлена уголовная ответственность [13].

Однако в период «оттепели», с 1960-х годов наметилась обратная тенденция на ограничение уголовной репрессии в сфере борьбы с лесонарушениями. Из всех преступлений в сфере охраны лесопользования, наказуемых по ст. 85 УК РСФСР 1926 года, в УК РСФСР 1960 года сохранилась лишь незаконная порубка леса. Данная

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». 7 августа 1932 года // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/63789> (дата обращения: 02.11.2024).

Становление и развитие отечественного уголовного законодательства
об ответственности за посягательства на лес и лесопользование

норма была закреплена в ст. 169 гл. 6, находившейся в «Хозяйственные преступления» Особенной части УК РСФСР 1960 года, и уголовная ответственность за указанные действия могла наступать только после применения мер административного или общественного воздействия.

В первоначальной формулировке часть 1 рассматриваемой статьи закрепляла наказание при наличии административной преюдиции за незаконную порубку в берегозащитных, полезащитных, курортных лесах, в лесах заповедников, лесопарках и лесах зеленой зоны городов и промпредприятий, то есть за повторную противоправную порубку, совершенную после применения мер административного наказания.

Вторая часть ст. 169 УК РСФСР закрепляла за совершенную незаконную порубку в любых лесах, повлекшую крупный ущерб, в том числе впервые совершенную, либо порубку в виде промысла, наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. Но размер ущерба в законе не раскрывался и являлся оценочным признаком.

В дальнейшем Законом РСФСР от 25 июля 1962 года ст. 169 УК РСФСР подверглась серьезным коррективам:

1) была отменена административная преюдиция, то есть из ч. 1 исчезла обязательность мер административного или общественного воздействия к лицу, впервые совершившему незаконную рубку;

2) перечень разновидностей предмета преступления в ч. 1 данной статьи был расширен (к лесам, за неправомерную рубку которых предусматривалась ответственность, добавлены почвозащитные и иные леса I группы и иных групп), а также впервые был использован термин «поврежденные леса»;

3) в ч. 1 данной нормы был включен обязательный материальный признак – причинение ущерба от неправомерной порубки

леса (в поле-, почво- или берегозащитных лесах, заповедных, курортных лесах и лесопарках, а также в лесах зеленых зон городов и промпредприятий для наступления уголовной ответственности ущерб должен был быть выше 100 руб.; в других лесах I группы – выше 200 руб., а во всех других лесах – выше 300 рублей по специально установленной таксе для определения ущерба от незаконных порубок или повреждений лесных насаждений);

4) было расширено применение ч. 1 анализируемой статьи по признаку повторности совершения незаконной порубки, даже причинившей меньший ущерб, чем был указан выше.

Следующие значимые изменения в регламентации уголовно-правовой охраны леса и лесопользования произошли 3 декабря 1982 года, когда Указом Президиума ВС РСФСР в рассматриваемой ст. 169 УК РСФСР были скорректированы предмет и перечень квалифицирующих признаков этого преступления:

- в качестве предмета незаконной порубки ч. 1 данной статьи стала предусматривать деревья и кустарники в лесах I группы, выполняющие санитарно-гигиенические, защитные и оздоровительные функции, а также к лесам лесопарков и заповедников предметом преступления стали относиться леса природных, национальных парков и лесные участки природных памятников, имеющие историческое либо научное значение;

- ч. 2 анализируемой статьи УК РСФСР была дополнена еще одним квалифицирующим признаком – «систематическая незаконная порубка».

Финальные для ст. 169 УК РСФСР 1960 года изменения были сделаны 20 октября 1992 года Законом РФ № 3692-1 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, связанных с порядком перерасчета

штрафов»¹, которые, исходя из названия данного закона, изменили лишь порядок исчисления штрафа в соответствии с месячными минимальными размерами оплаты труда (МРОТ), принятыми в РФ.

Впоследствии, в 90-е годы прошлого столетия, в связи с кардинальными изменениями всех сфер общественного, политического и экономического устройства России стало необходимо существенно скорректировать и отечественное лесоохранное, в том числе уголовное, законодательство.

В числе первых в 1991 году был принят Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды», далее в 1995–1997 годах – федеральные законы об охране атмосферного воздуха, о животном мире, о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, об экологической экспертизе и др. нормативные правовые акты, ставшие базой отдельной, самостоятельной отрасли российского законодательства – экологического права.

Указанные нормативные правовые акты существенно отличались от законов прежних лет, так как указывали на необходимость обеспечения в первую очередь экологической безопасности и охраны окружающей среды, а также предусматривали конкретные механизмы охраны природы, и в том числе леса, – правовой, экологический, экономический [14].

УК РФ 1996 года содержал уже кардинально новый подход, отражающий вышеуказанные тенденции нормативных правовых актов в сфере охраны окружающей среды и лесов. В первоначальной редакции

УК РФ 1996 года нормы об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение лесной и иной дикорастущей флоры предусматривались двумя статьями: ст. 260 «Незаконная порубка деревьев и кустарников» и ст. 261 «Уничтожение или повреждение лесов». В 2014 году дополнительно криминализируется приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191 УК РФ). Налицо ориентация законодателя не только на экологизацию лесопользования и лесного хозяйства, в обеспечении которой важнейшее значение имеет уголовное законодательство, выполняющее охранительные и предупредительные задачи, но и на охрану леса как экономического ресурса.

Проведенный анализ исторического развития норм уголовного права, предусматривающих ответственность за противоправные вырубку лесов, уничтожение или повреждение лесных насаждений, позволяет сделать ряд выводов.

1. Исследование показало усиление век от века уголовно-правовой охраны леса и лесопользования в России. Наиболее строгие правовые меры охраны лесов отмечены нами в конце XVI – начале XVII вв. В эти годы были приняты акты об уголовно-правовой охране естественных военно-оборонительных заграждений – лесных массивов. В период правления Петра I большинство указов об охране лесов и лесных ресурсов носило уголовную направленность, поскольку лес рассматривался в качестве собственности государства.

В качестве особенностей уголовно-правовых норм отечественного права сред-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, связанных с порядком перерасчета штрафов : Закон РФ от 20.10.1992 N 3692-1 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-20101992-n-3692-1-o/?ysclid=m6brrmlosq200559368> (дата обращения: 02.11.2024).

Становление и развитие отечественного уголовного законодательства
об ответственности за посягательства на лес и лесопользование

них веков об охране лесов выявлены казуистичность таких норм, закрепление их в различных по силе и содержанию законодательных актах, слабая систематизация, не позволявшая учесть все разновидности общественно опасных деяний. Указанные нормы представляли в основной массе начальную законодательную регламентацию имевших место в то время обычаев. Законодатель подходил к охране леса и как объекта собственности, и как защитного военно необходимого заграждения. В последующем лесные насаждения начали охраняться уже как стратегический ресурс, используемый, например, в кораблестроении.

2. К середине XIX века ответственность за лесонарушения является уже не только уголовной, но и имущественной, и административной. Первые акты законодательства дореволюционного периода об ответственности за противоправные деяния в сфере защиты лесопользования охраняли леса либо как естественные преграды военно-оборонительного или стратегического свойства, либо как имущество.

Уголовно-правовые нормы в этой сфере в рассматриваемый период характеризуются присутствием элементов законодательной техники, свойственных современным нормативным правовым актам: снижается казуистичность, расширяется сфера регулируемых общественных отношений. Но при систематизации норм по основаниям принадлежности к чьей-либо собственности или по нарушению общественно-го порядка еще не учитываются интересы в области экологии. Также законы того времени не были лишены таких недостат-

ков, как абсолютная неупорядоченность, включение лесоохранительных норм в разные по содержанию и юридической силе нормативные правовые акты и др.

3. Период XIX – начала XX века в становлении нормативной правовой базы в области охраны леса и лесопользования характеризуется применением как гражданско-правового, так и уголовно-правового методов лесоохраны. При этом принятый нормативный правовой акт мог охватывать и уголовно правовой, и гражданско-правовой способы установления мер по компенсации причиненного владельцу лесных ресурсов ущерба.

4. В послереволюционный период, несмотря на важность данного этапа в развитии уголовно-правового законодательства об охране лесопользования, лес продолжает восприниматься как сырье и объект собственности государства. Лишь в 50-е годы XX века формируется тенденция усиления лесоохраны с позиции леса как ценнейшего объекта экологической безопасности окружающей среды. Также в советский период развития уголовного права изменяется оценка значения охраны леса не только как источника такого ресурса, как древесина, но и как объекта социального и культурного наследия, а также как необходимого условия экологического благополучия общества.

5. Законодательство Российской Федерации об охране лесов долгое время способствовало активному использованию ресурсов леса в ущерб принципу приоритета их охраны, сбережения и воспроизводства. В частности, Лесной кодекс РФ 1996 года¹, действовавший до 1 января 2007 го-

¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/?ysclid=m673j8ssiz536699354 (дата обращения: 12.01.2025).

да, в ст. 2 устанавливал следующие цели и задачи законодательства об охране леса: использование лесов, удовлетворение потребностей общества в ресурсах лесов, повышение их ресурсного потенциала. Такой конфликт интересов хозяйственной целесообразности и интересов охраны лесных ресурсов вызвал существенное снижение экологического и экономического потенциала отечественных лесных богатств.

6. Внесенная в УК РФ ст. 191 в значительной степени стала «новеллой» уголовного закона, так как ранее за предусмотренные в ней деяния уголовная ответственность по УК РСФСР 1960 года и по УК РФ до 2014 года могла наступить только по статье о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём. Случаи привлечения

к уголовной ответственности незаконных изготовителей древесины за указанное преступление были до принятия ст. 191 УК РФ единичными.

Таким образом, лесоохранное уголовное законодательство и правоприменительная практика различных исторических периодов нашего государства являются исключительно важным маркером развития экологической культуры. Развитие уголовного законодательства об охране лесов и лесопользования в контексте достижения оптимального сочетания ресурсопотребительских и природоохранных задач должно осуществляться независимо от благосостояния населения и экологической обстановки с обязательным учетом накопленного историко-правового опыта.

Литература

1. Булгаков М.Б., Ялбулганов А.А. Природоохранные акты: от Русской Правды до Петровских времен // Государство и право. 1996. № 8. С. 136–147.
2. Лачин А.А. Уголовно-правовая охрана лесов в законодательстве России : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2004. 184 с. EDN NMVMSN.
3. Соболев С.С. Развитие эрозионных процессов на территории европейской части СССР и борьба с ними. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. Т. 1.
4. Седашев В. Очерки и материалы по истории землепользования Московской Руси в XVII веке. М. : Типо-литография В.Ф. Рихтер, 1912. 225 с.
5. Голиченков А.К., Новицкая Т.Е., Чиркин С.В. Очерки истории экологического права // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1991. № 1. С. 50–57. EDN APVQOC.
6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / Текст ред. проф. М.К. Любавским. М. : Историко-филологический факультет Императорского Московского университета, 1907. 196 с.
7. Российское законодательство X–XX веков : В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин. М. : Юридическая литература, 1984. 430 с.
8. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–51. URL: <https://xn----7sbxcach3agmieaceq1th.xn--p1ai/archive/1995-4?ysclid=m6beccs9d587859893> (дата обращения: 02.11.2024).
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1893. 440 с.
10. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных комиссаров от 27.05.2018 «О лесах» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 6. Ст. 93.

Становление и развитие отечественного уголовного законодательства
об ответственности за посягательства на лес и лесопользование

11. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / Под ред. И.Т. Голякова. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1953. С. 116–143.
12. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / Под ред. И.Т. Голякова. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1953. С. 256–288.
13. Анисимов В.Ф. Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому уголовному законодательству // Вестник Югорского государственного университета. 2008. Вып. 4 (11). С. 5–8. EDN OQQNUZ.
14. Симонов А.Г. Уголовно-правовая охрана лесной и иной растительности от уничтожения или повреждения : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2014. 27 с. С. 78. EDN SVBCRF.

References

1. Bulgakov M.B., Yalbulganov A.A. (1996) Environmental protection acts: From the Russian Truth to the Peter the Great's times. *State and Law*. No. 8. Pp. 136–147. (In Russian).
2. Lachin A.A. (2004) *Ugolovno-pravovaya okhrana lesov v zakonodatel'stve Rossii* [Criminal law protection of forests in the legislation of Russia] : Cand. Sci. Diss. (Legal sciences) : 12.00.08. Ryazan. 184 p. (In Russian).
3. Sobolev S.S. (1948) *Razvitie erozionnykh protsessov na territorii evropeiskoi chasti SSSR i bor'ba s nimi* [The development of erosion processes in the territory of the European part of the USSR and the fight against them]. Moscow : Leningrad : Academy of Sciences of the USSR Publ. Vol. 1. (In Russian).
4. Sedashev V. (1912) *Ocherki i materialy po istorii zemlepol'zovaniya Moskovskoi Rusi v XVII veke* [Essays and materials on the history of land use of Moscow Russia in the 17th century]. Moscow : Typo-lithography by V.F. Richter. 225 p. (In Russian).
5. Golichenkov A.K., Novitskaya T.E., Chirkin S.V. (1991) Essays on the history of environmental law. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. No. 1. Pp. 50–57. (In Russian).
6. Lyubavskii M.K. (1907). *Sobornoe ulozhenie tsarya Alekseya Mikhailovicha 1649* [The Cathedral Code of 1649 by Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow : Faculty of History and Philology of the Imperial Moscow University. 196 p. (In Russian).
7. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the X–XX centuries] : In 9 vols. Vol. 1. Legislation of Ancient Russia. Ed. by V.L. Yanin. Moscow : Yuridicheskaya literatura, 1984. 430 p. (In Russian).
8. Istomina E.G. (1995) Forest protection policy of Russia in the XVIII – early XX century. *Russian history*. No. 4. Pp. 34–51. URL: <https://xn----7sbxcach3agmieaceq1th.xn--p1ai/archive/1995-4?ysclid=m66eccs9d587859893> (accessed 02.11.2024). (In Russian).
9. Foinitskiy I.Ya. (1893) *Kurs ugolovnogo prava. Chast' osobennaya. Posyagatel'stva na lichnost' i imushchestvo* [Course of criminal law. Special part. Encroachments on person and property]. St. Petersburg : M.M. Stasyulevich Printing House. 440 p. (In Russian).
10. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of 05.27.2018 "On forests". *Collection of laws of the RSFSR*. 1917. No. 6. Article 93. (In Russian).
11. Criminal Code of the RSFSR of 1922. In: *Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR*. 1917–1952. Ed. by I.T. Golyakova. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1953. Pp. 116–143. (In Russian).

Вестник Российского нового университета
Серия «Человек и общество», выпуск 1 за 2025 год

12. Criminal Code of the RSFSR of 1926. In: *Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952*. Ed. by I.T. Golyakova. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1953. Pp. 256–288. (In Russian).
13. Anisimov V.F. (2008) Responsibility for theft of socialist property under Soviet criminal law. *Yugra State University Bulletin*. No. 4 (11). Pp. 5–8. (In Russian).
14. Simonov A.G. (2014) *Ugolovno-pravovaya okhrana lesnoi i inoi rastitel'nosti ot unichtozheniya ili povrezhdeniya* [Criminal law protection of forest and other vegetation from destruction or damage] : Cand. Sci. Diss. (Legal sciences) : 12.00.08. Moscow. 27 p. (In Russian).

Поступила в редакцию: 15.11.2024

Received: 15.11.2024

Поступила после рецензирования: 04.12.2024

Revised: 04.12.2024

Принята к публикации: 13.12.2024

Accepted: 13.12.2024